

УДК 930(47)"1870/1932"

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ ХАРЛАМПОВИЧ (1870–1932): ЖИЗНЬ ИСТОРИКА НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Теплова В. А.

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В статье на основе изучения научного наследия историка делается попытка воссоздания его биографии и исторических взглядов на роль и значение православия в исторических судьбах населения Восточной Европы, выявляется вклад ученого в развитие конфессиональной истории Беларуси.

Ключевые слова: конфессиональная история; православие; историография; исторические взгляды; Литовская духовная семинария; Санкт-Петербургская духовная академия; Казанский университет; Украинская академия наук.

KONSTANTIN VASILIEVICH KHARLAMPOVICH (1870–1932): THE LIFE OF A HISTORIAN ON THE FRACTURE OF ERAS

Теплова В.

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Based on the study of the historian's scientific heritage, the article attempts to recreate his biography and historical views on the role and significance of Orthodoxy in the historical fate of the population of Eastern Europe, reveals the scientist's contribution to the development of the confessional history of Belarus.

Keywords: confessional history; Orthodoxy; historiography; historical views; Lithuanian Theological Seminary; St. Petersburg Theological Academy; Kazan University; Ukrainian Academy of Sciences.

Вряд ли среди исследователей, занимающихся изучением истории православной церкви и культуры белорусско-украинских земель XVI–XVIII вв., найдется историк, не знающий работ К. В. Харламповича, научное наследие которого насчитывает более 250 изданий и представлено публикациями не только по белорусско-украинской проблематике, но и по истории православия Поволжья (Татарстан, Чувашия) и Сибири. В Украине историку установлен бюст, его портрет украшает стены Казанского университета, на родине – в Беларуси – его имя предано забвению.

Среди работ, посвященных жизни и научному наследию К. В. Харламповича, приоритет принадлежит украинской историографии, пер-

вой поднявшей имя ученого из небытия [1; 4; 8; 10]. Предметом изучения украинских историков стало выявление влияния Украины на церковно-исторические процессы Восточной Европы.

Иной ракурс в рассмотрении личности К. В. Харламповича избрали российские исследователи, обратившие внимание на содержание исторической концепции историка и возможности ее применения в развитии современной российской истории [2; 12].

Особое место в исследовании жизни и деятельности К. В. Харламповича принадлежит историкам Татарстана. Благодаря их кропотливой работе восстановлена трагическая страница в жизни ученого – период 1917–1928 гг., исключение из Казанского университета, арест и ссылка [6; 9; 13].

К большому сожалению, белорусская историография прошла мимо имени К. В. Харламповича, уроженца Беларуси, на формирование мировоззрения и исторических взглядов которого определяющее влияние оказала белорусская действительность второй половины XIX в.²² Таким образом, число работ, посвященных исследованию научного наследия К. В. Харламповича, невелико. Гораздо лучше изучена его биография. Но и в ней имеются значительные пробелы, прежде всего относящиеся к белорусскому периоду его жизни. Эти «белые пятна» требуют возвращения к осмыслению личности и анализу научного наследия историка, публициста и общественного деятеля.

Константин Васильевич Харлампович родился 18 (30) июля 1870 г. в деревне Рогачи Брестского уезда Гродненской губернии в семье православного священника Василия Харламповича. Начальное образование получил под руководством отца, законоучителя Рогачского народного училища, и в Виленском духовном училище (1884). Большое влияние на формирование мировоззрения К. В. Харламповича оказало время обучения в Литовской духовной семинарии (1884–1890), одном из лучших учебных заведений белорусско-литовского края, образование в котором могли получить выходцы из малоимущих слоев населения. Возглавлявший в это время Литовскую кафедру архиепископ Алексей (Лавров-Платонов) сумел собрать во вверенном ему учебном заведе-

²² Исключением является диссертация иерея И. В. Лопыко «Константин Васильевич Харлампович (1870–1932). Жизнь и научное наследие», выполненная в Минской духовной академии. Однако она не опубликована и остается известной лишь ограниченному кругу читателей.

нии сильную ученую корпорацию. Среди преподавателей, оказавших заметное влияние на формирование мировоззрения и исторических взглядов К. С. Харламповича, следует назвать П. Н. Жуковича, благодаря влиянию которого К. В. Харлампович не только принял решение продолжить образование в Санкт-Петербургской духовной академии, но и сделал окончательный выбор научной проблематики – история становления и развития православного образования на белорусско-украинских землях. Первым результатом сотрудничества К. В. Харламповича с П. Н. Жуковичем стало появление в 1892 г. в «Церковном Вестнике» статьи под названием «Следы латинства и унии в православном населении западного края», подписанная псевдонимом «Западнорус» [14]. В этой публикации рассмотрены особенности религиозно-общественной жизни населения белорусских земель, которые, с точки зрения историка, появились в результате многовекового господства католической Польши. Пользуясь этническим маркером «Западнорус», автор, скорее всего, подчеркивал свою национальную принадлежность и отличие как от польского, так и великорусского этносов.

Духовную академию будущий историк закончил в 1894 г. со степенью кандидата богословия, защитив диссертацию «Западнорусские, по преимуществу, православные школы XVI и начала XVII века». В своем отзыве на работу П. Н. Жукович писал: «В методе исторического изучения Харламповича нельзя не отметить его очень внимательного отношения к различным мнениям, высказанным по тем или иным вопросам, касающимся его темы. Эта кропотливость в работе дала ему возможность внести немало поправок в труды его предшественников по различным частным вопросам. Вообще сочинение Харламповича заслуживает не только степени кандидата, но и особого внимания Совета» [3]. Суждение историка, даже учитывая традиционную комплиментарность научного руководителя, было подтверждено автором всеми последующими исследованиями.

Несмотря на стремление стать преподавателем исторических и богословских дисциплин в семинариях запада или юга России, К. В. Харлампович был назначен преподавателем Казанской духовной академии, в которой с февраля 1895 г. приступил к преподаванию латинского языка [7]. В то же время молодой ученый продолжает работу над магистерской диссертацией «Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в., отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви», успешная защита

которой состоялась 20 марта 1899 г. Диссертация К. В. Харламповича вызвала большой интерес со стороны научного исторического сообщества конца XIX в. В российских периодических изданиях появились отзывы на монографию, вышедшую перед защитой диссертации. Большинство из них носило положительный характер. По словам одного из оппонентов диссертанта профессора П. Ф. Николаевского успех молодого исследователя был определен «обширным исследованием рукописных и печатных источников», что позволило диссертанту «...изложить историю западнорусских школ с особой обстоятельностью и документальной точностью, исправить и основательно дополнить уже существующие о них научные труды» [3, с. 200–220]. Однако наиболее престижными оказались две премии: Карповская от «Общества истории и древностей российских» Московского университета и Уваровская от Академии наук.

Успешная защита магистерской диссертации положила начало публикации серии работ историка, раскрывающих специфику православного образования на украинских и белорусских землях Речи Посполитой: «Острожская православная школа: Историко-критический очерк» [15], «К истории западнорусского просвещения. Виленская братская школа в первые полвека своего существования» [16], «К вопросу о просвещении на Руси в домонгольский период» [17], «Борьба школьных влияний в допетровской Руси» [18; 19], и дала возможность для приглашения К. В. Харламповича в Казанский университет, в котором историк с 1900 г. читал факультативные курсы по истории Русской православной церкви.

Одной из научных проблем, интересовавших К. В. Харламповича в Казанской период его жизни, становится тема православной миссии в Поволжье, Сибири и Казанском крае. Это направление в научном творчестве историка скорее всего было вызвано миссионерской традицией в деятельности академии, ставшей основным миссионерским научным центром дореволюционной России, влияние которого распространялось на восточные регионы Российской империи. Ее рассмотрению историк посвятил весьма значительное число работ: «Иосиф Курцевич, архиепископ Суздальский, бывший Владимирский и Брестский (1621–1642)» [20], «Известия И. Гмелина о Казани и о казанских инородцах (1733)» [21], «О миссионерских переводах на инородческие языки. Письма архимандрита Владимира, начальника Алтайской миссии, к Иркутскому архиепископу Вениамину» [22], «Архимандрит Макарий

(Глухарев), основатель Алтайской миссии и его пребывание в Казани в 1840 г.» [23], «Архимандрит Макарий (Глухарев) и тобольские декабристы» [24], «Н. И. Ильминский и Алтайская миссия» [25], «Св. Иннокентий Иркутский» [26] и др.

Помимо «миссионерской проблематики» историк активно изучал историю Казанского края и Казанской семинарии: «Материалы для истории Казанской Духовной Семинарии в XVIII веке», «PRO DOMO SUA. (По поводу конкурса 1902–1907 гг. на кафедру церковной истории в Казанском университете)», «Об изучении церковных древностей Казанской епархии», «Первая публичная библиотека в Казани» [27]. Однако, несмотря на многочисленные публикации, появление которых связано с интересом историка к региональной истории, он никогда не переставал работать над главной научной проблемой всей его жизни – влиянием традиций западной культуры и просвещения на церковную и духовную жизнь России. Глубиной проникновения в эту тему К. В. Харлампович сопоставим только с В. О. Ключевским, их позиции в определении итогов этого влияния на Россию весьма близки [11].

Работа над исследованием была завершена в начале 1914 г. Ее результатом стала монография «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» [28], которая легла в основу докторской диссертации историка. Исследование К. В. Харламповича охватывает период с XVI до середины XVIII в. По мнению исследователя, говорить о каком-либо западном церковно-культурном влиянии на русскую народность ранее XVI в. нет никаких оснований, так как до этого времени «оба эти народа (украинский и русский. – В. Т.) были заняты государственным строительством и отстаиванием своей политической независимости от взаимных посягательств на нее Польши-Литвы и Москвы». Соприкосновение украинской церковной культуры с русской народностью, по словам исследователя, привело к культурному сближению Москвы с Украиной и Грецией и подготовило почву к никоновской богослужебной реформе. Вместе с этим, считает ученый, украинское церковно-культурное воздействие на русское общество в первой половине XVII в. подготовило сознание двух братских народов к возможности присоединения восточной Украины к российскому государству, которое и произошло в 1654 г.²³

²³ Монография К. В. Харламповича «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» требует более подробного анализа, который

Монументальный труд историка был отмечен Академией наук и Обществом истории и древностей российских при Московском университете. Кроме того, это исследование привело К. В. Харламповича к избранию членом-корреспондентом Петербургской Академии наук в 1916 г. и действительным академиком Украинской Академии наук в 1919 г.

Социально-политические потрясения 1917 г. открыли новый – трагический – период в жизни историка. К. В. Харлампович не принял новую власть, систему нравственных ценностей и норм жизни. В следственном деле, которое было возбуждено против ученого в 1924 г. и которое вел помощник уполномоченного Секретного отделения Секретно-оперативной части Татарского отдела ОГПУ Шуклин, содержится характеристика историка: это «столп старины...», вся цель жизни которого – «русский народ, христианская религия, великодержавное угнетение мелких народностей». По словам Шуклина, его деятельность на постах председателя общества археологии, истории и этнографии и Музейной комиссии носила ярко контрреволюционный характер. «Харламповичу чужда национальная политика Советской власти, чужда и Татреспублика с ее нацменьшинствами...», – пишет Шуклин [9].

Гражданская война, в ходе которой Казань на непродолжительное время оказалась под властью правительства Комуча, у многих преподавателей Казанского университета вселила надежду на освобождение страны от большевизма (профессура Казанского университета в целом отрицательно отнеслась к победе большевиков). Неудивительно, что после установления в Казани власти правительства Комуча 35 членов Совета университета при одном воздержавшемся поддержали возможность перехода власти к Учредительному Собранию, а профессор Казанского университета Н. Н. Фирсов прямо выступил в газете «Народная армия» с призывом поддержать белую армию, «стремящуюся к воссозданию единой свободной России». Вероятно, К. В. Харлампович разделял эту точку зрения, поскольку принял решение о сотрудничестве с комучевской газетой.

При отступлении из Казани белогвардейцев в сентябре 1918 г. с ними ушла и значительная часть преподавателей Казанского университета. Оставшаяся часть вузовской интеллигенции, среди которой был

в рамках статьи невозможен. Частично пробел восстановлен в исследовании О. А. Фефелова [12].

и К. В. Харлампович, пыталась ужиться с новой властью, придерживаясь политического нейтралитета.

Знаменательным событием для К. В. Харламповича стало его избрание 4 июня 1919 г. действительным членом Украинской Академии наук. Избрание историка состоялось по рекомендации академика Д. И. Багалея²⁴, рецензировавшего докторскую диссертацию ученого. Принимая во внимание важность темы исследования К. В. Харламповича для развития украинской исторической науки, УАН поручила Харламповичу продолжить работу над темой, и для ее завершения предложила переехать в Киев. Однако историк не спешил с переездом, поскольку Украина в это время находилась в сложной военно-политической ситуации. На принятие решения о переезде в Киев негативно влияло и отсутствие материальных возможностей у семьи Харламповичей, которая к этому времени состояла из пяти человек – самого ученого, его жены Веры Петровны и трех взрослых детей, учившихся в Казанском университете. В письме к секретарю Украинской Академии наук академику А. Ю. Крымскому от 3 сентября 1920 г. К. В. Харлампович писал: «Хотя я лично считаю, что теперь уже окончательно судьба его (Киева) определена, но осторожные люди говорят, что и донныне положение не является достаточно постоянным. Приходится еще ожидать, тем более что Киев переживает трудности и продовольственные, и топливные. Да еще и не легкая дорога из Казани. Вот причины, через которые я все еще не отважился переехать в Украину» [4]. В то же время К. В. Харлампович не отказывался от работы в Украинской Академии наук. При всяком удобном случае историк выполнял задания УАН и сотрудничал с академическими изданиями.

Настоящей трагедией для К. В. Харламповича обернулось реформирование преподавания исторической науки, начавшееся вскоре после октябрьского переворота 1917 г. В 1919 г. в Казанском университете

²⁴ Багалея, Дмитрий Иванович (1857–1932). Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета (1880), занимался преподаванием, научной и общественной деятельностью. В 1906–1910 гг. был ректором Харьковского университета. С 1918 г. Д. И. Багалея избирается председателем историко-филологического отделения Украинской Академии наук и членом Президиума УАН. Его главные работы: «Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» (1887), «Магдебургское право в Левобережной Малороссии» (1892), «Украинская старина» (1896), «История города Харькова» (1905–1906), «Український мандрівний філософ Г. С. Сковорода» (1926) и др.

упразднили историко-филологический факультет и создали на его базе факультет общественных наук (1921). Решение о штате педагогов нового факультета состоялось 18 августа 1921 г. Среди них К. В. Харламповича не было.

В защиту историка выступил профессор Казанского университета П. П. Миндалев, который предложил педагогической корпорации факультета общественных наук «принять меры к удержанию Харламповича в составе профессоров Казанского университета как знатока культурной истории Малороссии, истории образования в России, междуплеменных религиозных влияний, заслужившего своими научными трудами признание русской и европейской критики, почтенного Академией наук в 1916 г. званием члена-корреспондента и удостоившегося избрания Украинской Академией наук ее членом» [5].

Предложение П. П. Миндалева было поддержано всеми преподавателями факультета общественных наук, принявшими на заседании факультета 9 сентября 1921 г. решение обратиться к Совету университета с просьбой возбудить ходатайство о зачислении К. В. Харламповича преподавателем истории Малороссии и истории религий на факультет общественных наук Казанского университета. Рассмотрев данную просьбу профессоров факультета общественных наук, Совет университета «по единогласному постановлению своему от 10 сентября обратился в отдел Высших Учебных Заведений Главного комитета профессионально-технического образования (Главпрофобр) «об утверждении К. В. Харламповича профессором факультета общественных наук».

Одновременно Совет университета единогласно одобрил постановление факультета общественных наук о временном поручении К. В. Харламповичу чтение лекций на этом факультете. Данное решение Совета университета вызвало со стороны Главпрофобра недовольство. 26 октября 1921 г. ректор Казанского университета обратился в деканат факультета общественных наук с уведомлением о том, что Отдел социально-экономического образования Главпрофобра считает совершенно недопустимым чтение лекций К. В. Харламповичем и предлагает немедленно запретить историку преподавать на факультете общественных наук.

Окончательное решение по этому делу было принято не в пользу историка. Правление Казанского университета было вынуждено уволить историка.

Увольнение К. В. Харламповича из Казанского университета не привело к прекращению педагогической деятельности ученого. Перебиваясь мизерными заработками, ученый преподавал в течение 1921–1922 гг. математику в Казанской военной школе и латинский язык в фармацевтическом техникуме.

Одновременно с этим историк продолжал усиленно работать над вторым томом монографии «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь». Научные поиски привели ученого к необходимости научной командировки в Москву для сбора архивного материала. Отсутствие у К. В. Харламповича материальных средств для этой поездки заставило историка подать 3 января 1921 г. ходатайство в Научный отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР о предоставлении ему финансовой субсидии на поездку в Москву. В своем обращении историк писал: «Несколько лет тому назад я приступил к выполнению огромной научной работы – выяснению влияния малорусской культуры на великорусскую. Труд, который был задуман в объеме одного тома, вырос в процессе накопления материалов к таким размерам, что I-й том его, который вышел в 1914 г., занял 878 страниц большого формата, кроме 24 страниц предисловия и 66 страниц указателей... Но это только начало моей работы. Том II, для которого уже собран огромный материал, ожидает редакторской обработки и издания... Придется еще раз побывать в Москве для дополнения его данными из рукописей, которые вновь поступили в московские архивы, библиотеки и музеи... Одновременно будет собираться материал и для III тома исследования... Это достаточно своевременно и диктуется неотложной потребностью» [4].

В финансировании научной командировки в Москву К. В. Харламповичу было отказано. Нехватка материальных средств, а также арест историка в 1924 г. и последовавшая затем трехлетняя ссылка в г. Тургай Оренбургской губернии прервали работу ученого над исследованием, которое так и осталось незавершенным

Новым и незнакомым направлением в деятельности ученого в это время была работа по спасению казанских музейных фондов, архивов и библиотек. После окончательного установления большевистской власти в Казани в сентябре 1918 г. архивы и библиотеки многих упраздненных дореволюционных учреждений подверглись разорению и уничтожению. Осенью 1918 г. документы Казанского губернского архива были изъяты из хранилищ и выброшены на улицу. Архивная документация

была спасена профессором Казанской духовной академии И. М. Покровским и профессорами Казанского университета Н. Ф. Катановым и К. В. Харламповичем.

В сентябре 1919 г. К. В. Харлампович стал членом Казанского губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников, подчинявшегося Казанскому отделу главного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Народном комиссариате просвещения РСФСР. В 1922 г. историк был назначен на должность заместителя председателя подотдела.

Руководить Казанским подотделом К. В. Харламповичу выпало в тяжелое время. В полном разгаре в Казани шла кампания по изъятию церковных ценностей. В связи с этим большой интерес для властей представляли казанские музеи, в которых хранилось немало церковной утвари, имевшей значительную материальную ценность. Понимая, что для быстрого и успешного изъятия церковных ценностей из музеев необходимо полное отсутствие какого-либо сопротивления со стороны музейных сотрудников, казанские большевики надеялись встретить в лице К. В. Харламповича как руководителя Казанского подотдела человека, готового на полное сотрудничество с большевистской властью. Чиновники рассчитывали и на то, что ученый после изгнания из университета будет более сговорчивым и пойдет на любые уступки советской власти. Однако возглавив Казанский подотдел, ученый приложил максимум усилий, чтобы сохранить музейные фонды в целостности (насколько это было возможно). Ученый пытался установить связь с Москвой, в частности, с заведующей музейным отделом Народного комиссариата просвещения РСФСР Н. И. Троцкой (Седовой), возглавлявшей до 1928 г. центральный орган по охране памятников. В письмах к ней историк настаивал на необходимости координации совместных усилий по сохранению «отеческого культурного достояния». В апреле 1922 г. К. В. Харлампович писал Н. И. Троцкой (Седовой): «Между тем время такое, что связь Москвы с местами необходима. Наступили критические для музеев дни: их осматривают с целью извлечения наиболее ценных вещей. В печати не было декрета о предоставлении кому бы то ни было права опустошать музеи, собиравшего десятки лет, и делают только глухие ссылки на какие-то секретные циркуляры. Имеется сверх того Ваше кратенькое запрещение... отдавать кому то ни было вещи из музеев. Оно давало понять, что затевается поход против музеев, но не указывало, как противостоять ему» [13]. По мнению ученого, работа

по экспертизе и отстаиванию церковных ценностей художественного и исторического значения – «работа, требующая много времени, физических сил и нравственного напряжения, делается вдвое тяжелее при наличии того разобщения с центром, которое тяготит Казанский отдел вот уже четыре месяца. Невольно опускаются руки при мысли, что и самый музейный отдел в Москве потерял интерес к дорогому для нас делу, сдал свои позиции и не может при новой экономической политике государства отстаивать те культурные ценности русского народа, которые с такой любовью, с такими затратами собирали предшествующие поколения музейных деятелей» [13]. К. В. Харлампович надеялся, что тесное сотрудничество с Москвой поможет ему приостановить рвение местных органов власти в деле изъятия церковных ценностей и тем самым избежать разграбления музеев. Активная позиция ученого по спасению казанских музейных фондов принесла положительные результаты. Только благодаря позиции членов Казанского подотдела удалось спасти от уничтожения некоторые замечательные образцы православной культуры края.

В июле 1922 г. К. В. Харлампович занял должность председателя Казанского отдела главного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Народном комиссариате просвещения РСФСР (далее – Музейная комиссия Татнаркомпроса). В период кампании экспроприации церковных ценностей основной деятельностью Музейной комиссии была оценка культурно-исторической значимости всех изымаемых предметов церковного обихода. Если, по мнению Музейной комиссии, тот или иной экспроприруемый предмет церковного назначения представлял значимость, то он переходил в распоряжение комиссии, которая на свое усмотрение либо передавала этот предмет в музей как памятник старины, либо оставляла его на хранение в православном храме.

Действуя как председатель Музейной комиссии, К. В. Харлампович неоднократно спасал от уничтожения православные святыни и церковную утварь. По свидетельству того же Шуклина, к ученому часто обращались священнослужители с просьбой «такое-то имущество спасти от ликвидации, такие-то ценности от изъятия или, признав некоторые ценности памятниками старины, оставить их в храмах на хранение; Харлампович как истинный христианин оказывал «всевозможное содействие». Так, историк ходатайствовал перед Главным комитетом по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при

Народном комиссариате просвещения РСФСР о выделении денежных средств на реставрацию старинных икон Успенской и Троицкой церквей Свяжского женского монастыря [13].

Благодаря деятельности К. В. Харламповича на посту председателя Музейной комиссии многим православным храмам Казани удалось сохранить свою богослужебно-приходскую жизнь. Оставленные Музейной комиссией в казанских храмах православные святыни и церковная утварь позволяли настоятелям этих храмов совершать полноценные богослужения, что способствовало усилению сплоченности прихожан. Такие приходы, в силу регулярного проведения церковных богослужений, становились менее подвержены идеологическому давлению большевиков, направленному против Православной церкви.

Руководство Казанским губернским подотделом по делам музеев и охраны памятников, а также Музейной комиссии К. В. Харламповичу пришлось совмещать с руководством Обществом археологии, истории и этнографии. В апреле 1922 г. ученый был избран председателем этого Общества.

В начале января 1923 г. Обществом был выработан проект организации двухгодичных археологических курсов и археологической экспедиции для исследования городищ Билярска, Суvara и могильника близ Свяжска. Стараниями К. В. Харламповича летом того же года были совершены две археологические поездки – в Булгары и Елабугу.

В июле 1923 г. Общество археологии, истории и этнографии составило план своих исследовательских работ на ближайшие пять лет. В области этнографии данный план включал изучение русского населения в пригородных селах Казани. В области истории намечалась публикация писцовых книг Казанского края. В 1924 г. планировалось подготовить к изданию переписную книгу города Казани 1651 г. Одновременно с этим предполагалось начать исследование вопроса казанской торговли с середины XVI в. до новейшего времени, становления фабрично-заводской промышленности.

В 1923 – начале 1924 гг., впервые за послереволюционный период, библиотечные фонды Общества археологии, истории и этнографии пополнились за счет обмена изданиями. Научный обмен литературой возобновился благодаря тому, что с 1919 г. вновь стали выходить «Известия Общества археологии, истории и этнографии».

Под председательством К. В. Харламповича Общество археологии, истории и этнографии развивалось весьма успешно. Количество членов

общества постоянно росло. В 1924 г. оно насчитывало 126 членов, что примерно соответствовало его дореволюционному уровню [9].

В своем руководстве Обществом археологии, истории и этнографии К. В. Харлампович придерживался традиций и целей, которыми оно жило до событий 1917 г. Ученый не хотел, чтобы Общество стало очередным орудием пропаганды. Такой подход историка к руководству Обществом сильно раздражал казанские власти, как, впрочем, и вся его деятельность на посту Музейной комиссии. Последней каплей, переполнившей чашу терпения в отношении К. В. Харламповича, стал отчет Общества археологии, истории и этнографии за январь 1923 – март 1924 гг. На страницах отчета, в частности, в разделе «Издательская деятельность ОАИЭ», была указана причина, по которой Комбинат издательства и печати отказал Обществу в напечатании XXXIII тома «Известий»: «Приготовленный к печати материал для очередного 1-го выпуска XXXIII тома “Известий Общества” не удалось использовать, т. к. <...> Комбинату издательства и печати предложено было “разгрузиться” от издания журналов “Музейный вестник”, “Казанский библиофил”, “Известия Физико-математического общества”, “Известия Общества археологии, истории и этнографии”, “Известия Общества естествоиспытателей”, а экономию от такой разгрузки использовать на удешевление, улучшение и расширение изданий марксистской литературы» [9]. Разглашение Обществом археологии, истории и этнографии данной информации казанские большевики восприняли как попытку подорвать авторитет советской власти в городе. Это послужило толчком к началу репрессий, направленных против Совета Общества и его председателя.

Первой мерой воздействия на К. В. Харламповича как председателя Общества археологии, истории и этнографии было снятие его с должности председателя Музейной комиссии в мае 1924 г. Спустя месяц Татарский отдел Объединенного Государственного Политического Управления при Совете Народных Комиссаров СССР затребовал все протоколы заседаний Музейной комиссии. В них сотрудники ОГПУ надеялись найти все, что могло бы скомпрометировать историка.

Пристальное изучение деятельности К. В. Харламповича на должностях председателя Общества археологии, истории и этнографии и Музейной комиссии позволило ОГПУ 20 сентября 1924 г. возбудить официальное следственное дело против историка и шести ученых, входивших в состав Совета Общества, – И. И. Сатрапинского, С. П. Шеста-

кова, В. Ф. Смолина, С. И. Порфирьева, Н. В. Никольского и И. М. Покровского. В этот же день К. В. Харлампович был арестован и помещен в ОГПУ, а в его доме был проведен обыск.

Вести данное дело было поручено помощнику уполномоченного Секретно-оперативного отделения Татарского отдела ОГПУ Шуклину. Поводом для возбуждения следственного дела против К. В. Харламповича послужили «поступающие сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии, противопоставляющей современным требованиям общественности именуемую ими “чистую науку”, в которой преобладали элементы рутинности, отсталых идей» [9].

В ходе следствия К. В. Харлампович был признан виновным по четырем статьям Уголовного кодекса СССР. Обвинение, выдвинутое ОГПУ против историка, состояло из трех пунктов. Его обвиняли в том: 1) «что он, состоя председателем Музейной комиссии, всячески пытался препятствовать мероприятиям Соввласти по изъятию некоторых церковных ценностей под видом охраны искусства и старины, а также был заинтересован в сохранении церковного имущества, не имеющего никакой с историко-художественной стороны ценности, каковы деяния предусмотрены ст. 10 и 69 Уголовного кодекса», 2) «что он, Харлампович, состоя председателем Общества археологии, истории и этнографии и пользуясь печатным органом “Известия” указанного Общества, посвящал большую часть издания религиозным вопросам, распространяя эти официальные издания не только среди населения, но и за границей, каковое деяние предусмотрено ст. 72 Уголовного кодекса», 3) «что поместил в отчете Общества сообщение о расторжении Пленумом ОКРКП(б) договора между Обществом и Комбинатом издательства и печати на печатание изданий Общества с целью вызвать недоверие к власти и дискредитирование ее, давая понять, что последняя преследует науку, тормозя ее, т. е. в деянии, предусмотренном ст. 73-й Уголовного кодекса» [9].

Все эти обвинения были построены на показаниях единственного свидетеля, выступившего против К. В. Харламповича. Им оказался казанский ученый, историк, член Общества археологии, истории и этнографии М. Г. Худяков. Что послужило причиной доноса М. Г. Худякова на деятельность Общества археологии, истории и этнографии и его руководителя К. В. Харламповича, сказать сложно, но позиция была непримиримая: «В настоящее время, через 7 лет после Октябрьской рево-

люции как-то странно слышать, что в СССР все еще существует такая организация, которая открыто, под флагом науки, проповедует идеи и взгляды, осужденные марксизмом как вредные и отжившие. Таким идеям и их сторонникам не может быть места в стране, где пролетариат железом и кровью выковывает свое самосознание без всяких предрасудков и заблуждений старого идеализма и суеверия» [9].

В вину К. В. Харламповичу было поставлено и сотрудничество с газетой «Новое казанское слово», печатном органе правительство Комуча. В качестве наказания Шуклиным было предложено приговорить К. В. Харламповича к трехлетней ссылке: «<...> необходимо констатировать, что деятельность Харламповича за время нахождения в должностях председателя Общества археологии, истории и этнографии, Музейной комиссии является крайне контрреволюционной, социально вредной и, признавая дальнейшее пребывание Харламповича в Татарской Республике нежелательным и опасным для местных социальных условий, как крайне реакционного, черносотенного, ведущего скрыто свою преступную работу с целью разжигания национальных страстей, проповедования отсталых идей христианства и внедрение их в массы группирующегося вокруг себя такого же оттенка элемент и руководящий им, старающегося навязать науке отсталые взгляды, тормозящие дальнейший рост культуры, пытающегося дискредитировать власть в глазах трудящихся масс, – ПОЛАГАЛ БЫ: Харламповича Константина Васильевича <...> ВЫСЛАТЬ из пределов Татарской Республики сроком на 3 (три) года» [9].

За смягчение наказания историку хлопотали Народный Комиссар просвещения А. В. Луначарский, Российская и Украинская академии наук. Все было безрезультатно. В сопроводительном письме, отправленном Шуклиным 25 ноября 1924 г. вместе с делом историка на рассмотрение Особого совещания при ОГПУ, говорилось: «<...> (Высылка Харламповича) окажет известное моральное влияние на остающуюся в Татарской Республике старую профессуру и, наконец, еще более выдвинет в глазах реакционной интеллигенции авторитетность и безапелляционность органов ОГПУ, расправляющихся со своими врагами твердо и решительно» [9].

Окончательное решение по делу К. В. Харламповича было принято Особым совещанием при ОГПУ 19 января 1925 г. Историк был приговорен к трем годам ссылки в «Киркрай» (современный Казахстан с тогдашней столицей в Оренбурге). 31 января этого же года ученый был

переведен в пересыльную тюрьму, где состояние его здоровья резко ухудшилось. Из-за болезни историка 2 февраля перевели в тюремную больницу. Вероятней всего, по этой же причине за две недели до отправки в ссылку его выпустили из заключения. Все это время ученый прожил дома. Униженный, лишенный средств к существованию, историк эти две недели жил только за счет общественной благотворительности.

Благодаря хлопотам жены К. В. Харламповича Веры Петровны от ОГПУ удалось добиться разрешения следовать в ссылку не по этапу. Из Казани он выехал 1 марта. Спустя три дня ученый прибыл в Оренбург, где 24 марта снова был арестован. Но после повторного рассмотрения ОГПУ дела ученого 10 июня 1925 г. было принято решение оставить прежний приговор в силе и сослать историка в Актюбинск, а затем в город Тургай, где К. В. Харлампович и провел три года своей ссылки.

Особую заботу о К. В. Харламповиче в ссылке проявлял украинский историк М. С. Грушевский. Вернувшись из-за границы в Украину и узнав о трагической судьбе ученого, М. С. Грушевский приложил немало усилий, чтобы помочь К. В. Харламповичу. Он писал письменные обращения в органы ОГПУ при СНК СССР с просьбой о переводе К. В. Харламповича в Киев. В своей переписке с историком М. С. Грушевский ободрял ученого надеждой на справедливое решение его дела. Чтобы поддержать К. В. Харламповича морально и материально, М. С. Грушевский решил привлечь историка к работе в академических изданиях, присылал ему задания, материалы на рецензии, которые потом печатались, преимущественно в журнале «Украина». Все попытки М. С. Грушевского вернуть К. В. Харламповича из ссылки оказались тщетными [8].

После окончания срока ссылки в 1928 г. К. В. Харлампович вернулся в Казань. Особым совещанием при ОГПУ ученому было запрещено проживание в этом городе. Историк решает переселиться в Киев. Однако на переезд в этот город К. В. Харламповичу не дают разрешение²⁵. Ученый останавливается в Нежине.

Выбор историка не был случайным. В Нежине находился Институт народного просвещения, который в 20–30-х гг. XX в. являлся одним из центров украинской исторической науки. В этом институте наряду с молодыми исследователями работала и дореволюционная профес-

²⁵ Кроме Казани и Киева ученому было запрещено проживать в Ленинграде, Харькове, Одессе и Ростове (это города, в которых были университеты).

сура. Руководством института были установлены научные контакты с различными учреждениями Украинской академии наук. С институтом тесно сотрудничали такие украинские историки, как М. С. Грушевский и Д. И. Багалей, а также те дореволюционные историки, которые по политическим причинам не могли проживать и трудиться в крупных городах.

На решение К. В. Харламповича переехать в город Нежин повлияло еще одно обстоятельство: ученому была обещана должность на кафедре истории [8], но исключение историка из числа действительных членов Украинской академии наук в 1928 г. лишило возможности ученого получить эту должность.

Новым испытанием для К. В. Харламповича стала смерть его супруги в январе 1929 г. Отсутствие работы и материальных средств усугубило положение историка. В этой сложной ситуации К. В. Харламповичу помогли некоторые нежинские ученые – М. М. Бережков, И. Г. Турцевич и М. Н. Петровский. Помощь этих людей позволила историку не только выжить в сложных материальных и психологических условиях, но и вернуться к научной деятельности.

За три года пребывания в Нежине К. В. Харлампович по просьбе М. С. Грушевского написал около 30 рецензий для научного журнала «Украина». Параллельно с этим историк принимал участие в создании «Биографического словаря деятелей Украины», который разрабатывала Украинская академия наук. В Нежине К. В. Харлампович начал работу над новым крупным исследованием, связанным с жизнью и деятельностью нежинской греческой колонии. Материал для своей работы ученый нашел в местном архиве. Результатом этой работы явились «Очерки по истории греческой колонии в Нежине (XVII–XVIII вв.)», первая часть которых была опубликована в «Записках историко-филологического отдела УАН», периодическом издании Украинской Академии наук. Черновики второй, пятой и шестой частей в настоящее время находятся в архиве Украинской Академии наук и личном архиве К. В. Харламповича в городе Нежине. Судьба третьей и четвертой частей исследования ученого неизвестна.

В июне 1930 г. К. В. Харлампович получил официальное разрешение на свободное проживание в любом городе СССР. В 1931 г. историк переехал в Киев, где прожил до конца своей жизни. В Киеве у ученого не было ни постоянной работы, ни квартиры. Он жил за счет средств, получаемых на временных работах. 26 марта 1932 г. К. В. Харлампович

скончался. Спустя 71 год, 4 февраля 2003 г., прокуратура Республики Татарстан реабилитировала К. В. Харламповича.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Каран, Д.* Листи К. В. Харламповича до М. С. Грушевського / Д. Каран // Київська старовина. – 2001. – № 6. – С. 122–144.

2. *Карпук, Д. А.* Церковно-историческая школа Санкт-Петербургской духовной академии (вторая половина XIX – начало XX веков) / Д. А. Карпук // Вестн. Оренбург. духов. семинарии. – 2015. – Вып. 2(4). – С. 280–293.

3. Журналы заседаний Совета Академии за 1893–1894 год // Христианское чтение. – 1895. – Вып. 6. – С. 260–295, 340–256; Журнал заседания Совета Санкт-Петербургской Духовной Академии 11 июня 1897 г. // Христианское чтение. – 1898. – Ч. I. – С. 200–220.

4. *Морозов, А.* Справа академіка К. В. Харламповича. Публ. документів, передм. та комент. Олександра Морозова / А. Морозов // Сіверян. літопис. – 2000. – № 1. – С. 71–87.

5. Нац. архив Респ. Татарстан (НАРТ). – Фонд 977. Оп. 619. Д. 29. – Формулярные списки и документы о службе профессорско-преподавательских и технических работников Казанского Университета. 1921 г.

6. *Насыров, Т.* Пресса комучевской Казани / Т. Насыров // Гасырлар авазы – Эхо веков. Научно-документальный журнал [Электронный ресурс] – 2010. – Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_2/03/03_2/&searched=1. – Дата доступа: 28.05.2010.

7. Российский Государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 802. Оп. 10. Д. 475. – О службах окончившего в 1894 г. курс кандидата богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии Константина Харламповича. 1909 г.

8. *Самойленко, О. Г.* Он хотел приумножить славу украинской науки / О. Г. Самойленко // Исторический портал [Электронный ресурс] – 2010. Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/iiv/2008_14/209-218.pdf. – Дата доступа: 30.05.2010.

9. *Сидорова, И.* Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти, 1917–1924 гг.) / И. Сидорова // Гасырлар авазы – Эхо веков. Научно-документальный журнал [Электронный ресурс] – 2007. – Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazin/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2003_3_4/03/03_1/ – Дата доступа: 23.09.2007;

10. *Синицький, М.* Забутий дослідник України / М. Синицький // Календар Української Православної Церкви в США на 1980. – [Б. м., Б. д.]

11. *Теплова, В. А.* Западное влияние на культуру России XVII века в научном наследии В. О. Ключевского и К. В. Харламповича / В. А. Теплова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. – Мінск: БДУ, 2016. – Вып. 11. – С. 226–231.

12. *Фефёлова, О. А.* «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» К. В. Харламповича и история русской православной церкви в Сибири в XVIII в. / О. А. Фефёлова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2011. – Вып. 11 (113). – С. 69–74.

13. *Хайрутдинов, Р.* «В церквах и монастырях по возможности ничего не оставлять...» (Кампания по изъятию церковных ценностей в Татарстане в 1922 г.) / Р. Хайрутдинов // Гасырлар авазы – Эхо веков. Научно-документальный журнал [Электронный ресурс] – 2007. – Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2006_2/001/01_2/&searched=1 – Дата доступа: 12.03.2007.

14. *Харлампович, К. В.* Следы латинства и унии в православном населении западного края / К. В. Харлампович // Церков. Вестн. – 1892. – № 18. – С. 45–50.

15. *Харлампович, К. В.* Острожская православная школа. Историко-критический очерк / К. В. Харлампович – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1897. – 57 с.

16. *Харлампович, К. В.* К истории западнорусского просвещения. Виленская братская школа в первые полвека своего существования / К. В. Харлампович // Литовские Епархиальные Ведомости. – 1897. – № 16–17. – С. 142–147; № 19. – С. 165–167; № 20. – С. 175–178.

17. *Харлампович, К. В.* К вопросу о просвещении на Руси в домонгольский период / К. В. Харлампович. – Львов: Галиц.-рус. матица, 1902. – 24 с.

18. *Харлампович, К. В.* Борьба школьных влияний в допетровской Руси / К. В. Харлампович // Киевская старина. – 1902. – Т. LXXVIII. – С. 1–76, 358–394.

19. *Харлампович, К. В.* Борьба школьных влияний в допетровской Руси / К. В. Харлампович // Киевская старина. – 1902. – Т. LXXIX. – С. 34–61.

20. *Харлампович, К. В.* Иосиф Курцевич, архиепископ Суздальский, бывший Владимирский Брестский (1621–1642) / К. В. Харлампович. – Почаев, 1900. – 39 с.

21. *Харлампович, К. В.* Известие И. Гмелина о Казани и казанских инородцах / К. В. Харлампович. – Казань, 1904. – 26 с.

22. *Харлампович, К. В.* О миссионерских переводах на инородческие языки. Письма архимандрита Владимира, начальника Алтайской миссии, к Иркутскому архиепископу Вениамину // Православный собеседник. – 1904. – июль-август. – С. 229–253.

23. *Харлампович, К. В.* Архимандрит Макарий (Глухарев), основатель Алтайской миссии и его пребывание в Казани в 1840 г. / К. В. Харлампович // Православный собеседник. – 1904. – Ч. I. – С. 205–230.

24. Харлампович, К. В. Архимандрит Макарий (Глухарев) и тобольские декабристы / К. В. Харлампович // Русский архив. – 1904. – Ч. I. – С. 235–243.

25. Харлампович, К. В. Н. И. Ильминский и Алтайская миссия / К. В. Харлампович. – Казань, 1905. – 77 с.

26. Харлампович, К. В. Св. Иннокентий Иркутский / К. В. Харлампович // Православный собеседник. – 1905. – №11. – С. 512–530.

27. Харлампович К. В. Материалы для истории Казанской Духовной Семинарии в XVIII веке / К. В. Харлампович. – Казань, 1903. – 214 с.; Первые учителя Казанской Семинарии // Известия Общества, Археологии, Истории и Этнографии. – 1904. – Т. XX; PRO DOMO SUA. (По поводу конкурса 1902–1907 годов на кафедру церковной истории в Казанском Университете) / К. В. Харлампович. – Казань, 1908. – 55 с.; Первая публичная библиотека в Казани // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии. – 1907. – Т. XXIII. – С. 365–376; Об изучении церковных древностей Казанской епархии // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии. – 1909. – Т. XXV. – С. 35–48.

28. Харлампович, К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь / К. В. Харлампович. – Казань: Изд. книж. магазина М. А. Голубева, 1914. – 878 с.

(Дата поступления: 05.05.2021).